

РУССКО-МОНГОЛЬСКАЯ ШКОЛА В ИРКУТСКЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

*Е.И.Лиштованный**

В силу географического положения и волей исторической судьбы Сибирь, и прежде всего Восточная, была тем регионом, где впервые в России проявились практический интерес и необходимость в знании китайского, маньчжурского, монгольского языков. Разумеется, достаточно трудно с хронологической и персональной точностью изложить этот вопрос с самого начального этапа освоения Сибири русскими, когда им пришлось вступить в контакты с местными племенами и народами, в том числе монголоязычными. В этой связи можно ограничиться лишь общим замечанием о том, что потребность в людях, знающих языки народов Центральной и Восточной Азии, возникла для россиян задолго до Петра I. Традиционные функции переводчиков выполняли толмачи, как правило, не знавшие письменности народа, с представителями которого приходилось общаться.

Существовавшая в своё время мощная Монгольская империя распалась, вынужденные языковые контакты русских и монголов ушли в прошлое. Но предпринятый в XVIIIв. Русским государством уникальный рывок на восток заставил российскую дипломатию вновь искать пути общения с восточными географическими соседями. Это, кстати, касалось и Китая. Ведь о нём в Московском государстве мало что знали. Например, в известной книге Афанасия Никитина “Хождение за три моря” сведения о Китае ограничивались замечанием “А делают там фарфор и всё дешёво”.

После заключения в 1727-1728 гг. Буринского и Кяхтинского договоров России с Китаем торговые отношения между странами активизируются. Рост русско-китайской торговли через Нерчинск, а затем через Кяхту приводит к выделению Иркутска в качестве важного транзитного пункта, где проводились ярмарки. Город становился и своеобразной переговальной площадкой России с китайскими и монгольскими послами.

К этому времени значительная часть монгольских земель уже вошла в состав маньчжурского Китая. Эта ситуация в последующем приведёт к тому, что в российском востоковедении практически одновременно начнут своё формирование отдельные отрасли знаний: китаеведение, маньчжуристика и монголоведение. Героические путешествия и посольства Василия Тюменца, Ивана Петлина, Фёдора Байкова, Николая Спафария и других не только обогатили мировую

* Е.И.Лиштованный - Россия

науку того времени уникальными сведениями о граничащих с Русским государством странами и народами, но привели к пониманию неперменного научного познания этих народов и территорий. В основе такого познания, безусловно, должно было находиться изучение языков народов сопредельных государств.

Например, что касается монгольского языка, то время, о котором можно говорить с помощью документальной поддержки, наступает со второй половиной XVII в. К 1668 г. относятся сведения о попытках организовать в России изучение монгольского языка. Так, тобольский воевода П.И.Годунов сообщал о грамоте халхаского феодала Даши-хунтайджи, написанной на монгольском языке. Грамота была вначале переведена послом хошоутского князя Цецен-хана Очирту на “тангуцкий”, так называли тогда тибетский язык, а уже на русский переводили ее тобольские казачьи дети. “А мугальские письма перевести те ученики не умели, потому что еще монгольской грамоте не доучились”, - констатировал воевода [1]. Характеристика известным востоковедом П.Е.Скачковым тобольского воеводы как организатора школы переводчиков монгольского языка [2] является, на наш взгляд, несколько преувеличенной. Да и как сам П.Е.Скачков отмечает, установленные еще в начале XVII в. связи с Алтын-ханом и другими монгольскими князьями заставляли пока лишь только “думать о подготовке переводчиков”.

Реальное обучение монгольскому языку начинается только в 1725 г. в монгольской школе, открытой при Иркутском Вознесенском монастыре. С этого момента в Восточной Сибири подготовка специалистов в области монгольского языка в течение длительного периода будет связана с деятельностью русской православной церкви. Однако, благодаря введению в научный оборот московским ученым А.Н.Хохловым архивных документов, известно, что уже в 20-х гг. XVIII в. здесь были знатоки-практики. Ивана Матвеевича Мостинина А.Н.Хохлов называет первым российским переводчиком-монголистом, который обучился монгольскому языку еще в молодые годы, по всей видимости, в связи с торговой практикой его отца, архангельского купца. Один из документов позволяет судить о весьма высоком уровне профессиональных знаний И.М.Мостинина в монгольском языке: “...Иван Мостинин, которому ныне от роду 25-й год, заехал при отце своем на китайскую границу и тамо научился мунгальскому языку. И пишет (он) по-мунгальски так хорошо, что противу его вряд ли (можно) написать и природному мунгалу” [3]. В феврале 1728 г. С.Л.Владиславич-Рагузинский, вернувшись с посольством из Пекина в Селенгинск для завершения переговоров назначил И.М.Мостинина переводчиком монгольского языка с жалованьем в размере 20 рублей и 30 пудов муки в год [4].

В последующем, в начале 30-х гг. XVIII в. по поручению Коллегии иностранных дел И.М.Мостинин занимался в Москве и Петербурге обучением монгольскому языку нескольких учеников, в том числе калмыков по происхождению. Если говорить о Восточной Сибири, то тот же А.Н.Хохлов утверждает, что “после отъезда Мостинина эстафету переводчика-монголиста принял дворянский сын Логин Яковлевич Загузин, переводы которого можно встретить в материалах переписки России с цинским Китаем в последующие годы” [5].

Школа монгольского языка, открывшаяся в Иркутске при Вознесенском монастыре, явилась первым монголоведным учебным заведением в России. Первоначально в школу поступило 32 ученика и, как свидетельствуют документы, преподавание там вели “природные монголы”. Под термином, скорее всего, подразумевались преподаватели бурятского происхождения. Так, например, иркутский епископ Иннокентий Кульчицкий привлек к переводу духовной православной литературы на монгольское письмо преподававшего в школе ученого ламу Лапсана и Никиту Шолкунова. Эти учителя не знали русского языка, поэтому в качестве переводчика при них находился И.Пустынников [6].

Обучение в основном велось по книгам, излагавшим постулаты буддизма. В этой связи нельзя, конечно, говорить о разнообразии методических приемов, но все же школа давала знание языка, а окончившие ее могли работать переводчиками. При Иннокентии Кульчицком в 1731 г. в школе было уже 70 учеников, стали приобретаться монгольские книги.

Наряду с монголоведением иркутская школа сыграла весьма важную роль и в деле становления российского китаеведения. В 1729 г. в Пекине начала работу вторая по счету Российская духовная миссия. Ее возглавил архимандрит Антоний Платковский. Перед отъездом в Пекин он являлся настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря и одновременно заведовал школой монгольского языка. Именно Платковский и отобрал в миссию трех ее наиболее способных учеников: Иллариона Россохина, Герасима Шульгина и Михаила Пономарева. Нельзя не упомянуть о первом из них (Г.Шульгин и М.Пonomарев скончались в Пекине) [7]. И.Россохин из всех учеников первой и второй миссии выделялся успехами в изучении языков. Он родился в 1717 г. в селе Хилок, вблизи Селенгинска. В школу монгольского языка он был принят в год ее открытия. Но уже после трех лет обучения “Платковский взял его в услужение завсегда при нем состоять, ездить по дрова и по сено. Россохин служил ему принуждениями и побоями” [8].

В данной работе нет необходимости говорить о заслугах этого выдающегося переводчика и ученого. Это совершенно отдельная тема. Стоит лишь отметить характеристику, данную ему П.Е.Скачковым как “первому русскому китаеведу, положившему начало изучению Китая, маньчжурского и китайского языков в России” [9]. Известно, что и среди членов последующих духовных миссий были сибиряки, знавшие монгольский язык. Так, И.Бичурин предлагал взять одного из причетников для IX миссии из Кяхтинской монгольской школы, чтобы тот мог переводить с монгольского “некоторые тибетские книги, а в составе XI духовной миссии был выходец из бурят, окончивший Иркутскую гимназию Е.И.Сычевский.

Возвращаясь к школе при Вознесенском монастыре, следует сказать, что, к сожалению, средств на содержание школы не хватало, хотя к ней были приписаны ещё три монастыря: Киренский, Посольский и Селенгинский. Монгольская школа при Вознесенском монастыре в Иркутске просуществовала 15 лет. И, тем не менее, с полным правом можно говорить о том, что частично “родословная” российского научного китаеведения и монголоведения имеет иркутские корни. Иркутская школа в своё время явилась значимым звеном в становлении российской дипломатии на восточном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит.по: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения.- М., 1977.- С.22.
2. Скачков П.Е.- С.22.
3. Цит.по: Хохлов А.Н. И.М.Мостинин - первый российский переводчик-монголист //Восток в прошлом и настоящем...- Иркутск, 1992.- С.182; Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. История изучения Монголии в Иркутске. – Иркутск, 2006. – С.10.
4. Хохлов А.Н. - С.180.
5. Там же.- С.182.
6. Кузнецова Ж.Г. Переводческая деятельность русской православной церкви... //Восток в прошлом и настоящем...- Иркутск, 1992.- С.177.
7. Скачков П.Е.- С.358.
8. Там же.- С.41.
9. Там же.